

A man and a woman are featured in a promotional image. The man, on the left, is wearing a black leather jacket over a white t-shirt and a black beanie. He is holding the beanie with his right hand and looking directly at the camera. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and is wearing a black sleeveless top. She is also looking directly at the camera. The background is a blurred city street at night with warm, golden light from streetlights or buildings.

Янка Рам

НЕАНГЕЛ-
ХРАНИТЕЛЬ

Янка Рам

Неангел-хранитель

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67426029

Аннотация

Александр спасает девушку от нападения бойцовской собаки. В результате травмы горла теряет голос. И, не решаясь теперь приблизиться к той, которую спас, превращается в сталкера. Но новая опасность в жизни девушки вынуждает пойти горячего парня на похищение.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	4
Глава 1 – Ни повода, ни основания	10
Глава 2 – Цербер	16
Глава 3 – Папина дочь	23
Глава 4 – «Ты вместо всего»	31
Глава 5 – Не одинок (Беркут)	37
Глава 6 – Прикосновение	44
Глава 7 – Сломано (Николь)	55
Глава 8 – Друзья (Беркут)	64
Глава 9 – Ценная вещь (Николь)	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Янка Рам

Неангел-хранитель

Пролог

– Ника, мне не нравится этот твой Макс, – с пренебрежением фыркает отец в трубку телефона.

– Он и не должен нравиться тебе, пап, – раздражаюсь я.

– Ты смотришь как девочка. Я смотрю как бизнесмен. И как бизнесмен я вижу его мать, которая толкает этого мальчишку к тебе. Потому что ей выгодно сотрудничать со мной. Ты понимаешь, что это за история?

– Пап, ты уже совсем с ума сошёл со своим бизнесом. Ты всё крутишь вокруг него. Мы познакомились случайно...

– Ну да! И он не знал, кто ты? Чушь. И меня как отца унижает, что мою дочь любят не потому, что она самая прекрасная из женщин. А потому, что я владелец концерна. Не жди от меня снисхождения. Сними розовые очки, или расколочу нахрен.

– Пап, не лезь, прошу тебя. Это синдром отца повзрослевшей дочери. Тебе не нравятся абсолютно все парни!

– Среди них нет ни одного достойного!

– Вот! Это синдром. Целую, люблю, пока!

Скидываю вызов.

«И не ходи по темноте пешком! Не Париж!» – прилетает тут же сообщение следом.

Отца расстраивает, что я практически не пользуюсь подаренной им машиной. Но куда мне особенно ездить? Все мои дела в центре, в шаговой доступности от дома, а машину попробуй ещё здесь припаркуй!

От искусственных огней и пестроты торгового центра кружится голова. Эскалатор медленно движется вверх. Пишу Максу, поглядывая под ноги, чтобы не пропустить момент, когда будет пора сойти. Иначе тонкая шпилька моего каблук за просто может застрять в ленте эскалатора.

Это только с виду я изящна, как лебедь, на деле же – мастер попадать в неприятности! Мой ангел-хранитель явно плохо за мной присматривает. Не помешал бы ещё один.

Мелькает жёлтая полоса. Я делаю шаг... Поднимаю взгляд. Макса нет. А мы договаривались... Отхожу к стене с фонтаном. Мои сообщения прочитаны, но не отвечает. Это ужасно расстраивает! Эта его манера выпадать из общения, словно что-то более важное его отвлекло.

На огромной плазме напротив – рекламный ролик авто-салонов отца со мной в главной роли. Улыбаясь, разглядываю себя со стороны. Стильно получилось... Режиссёр – молодец.

Вставляю наушники в уши. Листаю треки, вдруг ощущая, что что-то не то. Словно давление пристального взгляда.

Поднимаю глаза и теряюсь от потоков быстро идущих в разные стороны людей. Никогда не любила толпу! Мне становится неуютно. Включаю музыку... Пролистываю пару треков, натыкаюсь на LP. Прекрасно! Уникальная манера исполнения. Есть чему поучиться. Растворяюсь в музыке, тихо подпевая ей.

– All I ever wanted was you!..

Проникаюсь этой вдохновляющей эмоцией: «Всё, что я когда-либо хотел – это ты...» Любая женщина мечтает искупаться в ней. У меня, увы, как-то не так. И вроде бы всё хорошо, но не так.

Николь: «Макс, ты где?»

Прочитано. Не отвечает.

«Как кореец, честное слово!» – раздражаюсь я. Больше нигде не встречала, чтобы это было нормой: прочитать и проигнорировать, или договориться, а потом не отвечать на вызовы. Только в Корее. Оправдания, конечно, потом у него всегда есть. Но уже бесит. Пойду, пожалуй, домой... Желание встретиться с Максом убито на корню.

Не отрывая взгляда от экрана, встраиваюсь в поредевший поток. Ускоряю шаг и вдруг налетаю на мужчину, возникшего, будто из-под земли! Он ловит меня, придерживая за талию и не позволяя слететь с каблуков от столкновения. Дальше всё словно стопкадрами...

Машинально хватаюсь за крепкие плечи.

Вдох!

Волна аромата мужского парфюма дезориентирует, делая ноги ватными...

Проникает внутрь...

По инерции тел впечатываюсь скулой в его горячее лицо.

Стискивает!

Выдыхаю ему в шею...

По его коже мурашки...

Я слепну от ощущения этой нечаянно близости.

Неудобно как! Лица не вижу, мы слишком тесно прижаты.

Отстранившись, вижу только суровую линию челюсти, и как движется кадык на крепкой шее от того, как он сглатывает.

– Извините... – опускаю взгляд, делая шаг в сторону.

И быстро ухожу, поражаясь себе и этим странным острым ощущениям, нахлынувшим от близости с незнакомцем. В груди всё трепещет... Ощущение взгляда не отпускает, тревожно подгоняя меня в спину.

Вечно мне что-то мерещится...

Сворачиваю в парк. При моём приближении фонари разгораются ярче, реагируя на движение. Обожаю ходить здесь в темноте. Волшебное ощущение!

В руке вибрирует телефон. Заглядываю в экран. Макс... Переключаю гарнитуру.

– Да?

– Ника, ну ты где?

– Я не дождалась. Ты не ответил.

– Я тачку заправлял... Где тебя ловить?

– Мм... Теперь в парке, со стороны Вавилова. Давай у памятника, у выхода.

– Я уже практически там.

Когда памятник мелькает впереди метрах в пятидесяти, слышу лай собак. Он не игривый и весёлый. Остервенелый... с захлёбывающимся рычанием...

Подхожу ближе. От этих звуков по спине липкий пот, и животный ужас сжимает низ живота. И я бы обошла. Но они прямо на перекрёстке перед выходом из парка, куда сходятся все дороги. Два разъярённых пса на поводках у двух подростков. Подростки стравливают их и тянут назад за поводки, не давая сцепиться. Смеются...

Придурки! От возмущения у меня спирает дыхание.

У одного из псов вокруг пасти пена, и глаза навывкат. Я замедляю шаг.

– Что вы делаете?! Прекратите!!

– Иди, куда шла! – грубо отвечает мне один.

Сжимая зубы от злости, пытаюсь обойти стороной по газону этот беспредел, обещая себе, что нажалуюсь отцу, и он устроит их родителям! Боковым зрением сзади вижу силуэт мужчины. И с другой стороны в воротах – яркую жёлтую куртку Макса.

Вдруг собаки дёргаются, стаскивая пацанов ближе, одна хватает другую за холку. Я замираю от страха, оказываясь метрах в двух от отлетающих кубарем в мою сторону собак. Одна срывается с поводка. Следом и вторая. Меня захлёсты-

вает адреналином и паникой. В темноте рычание, месиво... Одну оттаскивают. Мальчишка лупит собаку по спине палкой, ругая её матом. В бешенстве она кидается мне в ноги, сбивая на землю.

Рычание... пена... безумие... запах псины и крови... Животный ужас кипятком ошпаривает мозг! Возле лица щёлкает огромная пасть, в которую впечатывается мужской ботинок с рифлёной подошвой, отбивая её и не позволяя челюстям сомкнуться на моём лице. Меня отключает...

Подлетаю с кровати, задыхаясь и рыдая. Господи... Когда это закончится?... Сколько месяцев уже прошло?... Всё снится тот чёртов день! Переживаю это всё заново! Хорошо, что меня тогда отключило!

Размазываю слёзы по лицу и дышу глубже, пытаюсь успокоить рвущееся из груди сердце.

Спасибо Макс... Хорошо, что он успел вовремя! Если бы не он тогда... даже страшно представить!

Глава 1 – Ни повода, ни основания

Иногда так бывает, что у тебя нет ни одного повода и основания, чтобы приблизиться к женщине. Вообще ни одного. Вы из разных вселенных.

Но ты не можешь просто пройти мимо неё.

Столкновение взглядов... Три секунды... И что-то в этот момент случается. Авария! Краш! Вдребезги! Словно голову оторвало... Перещёлкивает. Меняет тебя. Ты застываешь, вдруг чувствуя, что принадлежишь себе гораздо меньше, чем мгновение назад. А может, и вовсе перестаёшь принадлежать себе. Ты просто понимаешь, что она тебе необходима как воздух. Вся без остатка.

Глупо говорить о любви с первого взгляда. Это не она. Это что-то другое. Неумолимое – как сжимающийся на шее парфорс. Да. Именно так. Потому что нихрена не эйфорию ты чувствуешь в этот момент. А болезненное удушье и мучительную тягу.

Самец внутри тебя становится в стойку! Это как основной инстинкт. Всё твоё хищное внимание фокусируется на ней одной, не желая довольствоваться суррогатами. Ты чувствуешь – она особенная. Это то самое зерно, из которого потом вырастает одержимость, если не получить эту женщину сразу.

Я – не получил. И теперь это сжигает меня. Не могу изба-

виться от удушающей потребности видеть её, наблюдать за ней...

Всего-то – случайное столкновение. Хотя вру. Неслучайное. Я его спровоцировал. На рефлексях, спонтанно сделав шаг наперерез ей. Глупо. По-пацански. Машинально выбирая язык тел вместо слов.

Она влетела мне в руки. А попала под кожу, проникла в лёгкие!

Вдох... Один взгляд в глубину её глаз... «Извините...» Своим низким бархатным голосом достала до всех внутренних. И словно удавку затянула!

Утащила следом как на аркане...

Шёл как маньяк метрах в двадцати, провожая её до дома. Ведомый странным неконтролируемым чувством. Даже не подозревая, что скоро буду знать все её маршруты и графики.

Двадцать метров.

Нужно было, забив на всё, идти ближе... И, может быть, когда тот ротвейлер кинулся на неё в парке, я бы успел среагировать до того, как он завалит и напугает до полусмерти. Благо я успел. Но этот адреналин выжег её на моих внутренних намертво и окончательно.

Как жаль, что я не могу отмотать назад тот день, когда она ворвалась внутрь меня и заняла всё место, бескомпромиссно вытеснив остальных. Потому что тогда у меня не было повода приблизиться, но шанс был. Шанс как минимум сказать

ей о том, что она особенная для меня.

Теперь всё гораздо сложнее...

Набираю на телефоне вопрос и разворачиваю экраном к врачу.

«Речь восстановится? Я смогу говорить?»

– Понимаете ли, Александр, травма давно зажила. Ваш речевой аппарат физически уже в норме. Поэтому, скорее всего, это нервное расстройство. На фоне стресса.

Нервное расстройство? Смотрю на него с гневом. Шёл бы ты, доктор!

«Мне собака порвала горло, а Вы утверждаете, что потеря речи на фоне нервного расстройства?!»

– На Вас напала собака, травмировала. Это могло послужить стресс-фактором.

Снова набираю на телефоне.

«Я – кинолог. Это профтравма, к которой я психологически готов. Какой такой стресс?»

Я же не на фронте под танки заряжённых собак отправляю!

Мне хочется проораться. Высказать ему... Я открываю рот, но связки не напрягаются, словно их вырезали. Кроме вдоха ничего не получается.

Врач удручённо разводит руками.

– Физиологических причин уже нет. Возможно, была

травма мозга при падении. Вам нужен невролог.

Отрицательно качаю головой.

«Я там уже был. Полгода назад. МРТ в порядке».

– Вам стоит сменить сферу деятельности. Я бы не советовал работать с собаками дальше.

«Спасибо за совет, – набираю я. – А лечение какое-то будет?»

Опять разводит руками.

– Всё, что могли, мы уже сделали. Возможно, нужно немного подождать...

Сколько?!

Я жду уже много месяцев!

– Сосредоточиться на упражнениях...

Не помогает!

– А вообще, запишитесь к хорошему психиатру. Я могу дать контакты.

«Не нужно, спасибо, до свидания».

Вылетаю на улицу. Лицо нервно подрагивает. Это третий врач. Все говорят одно и то же... Восемь месяцев ни одного обнадеживающего звука.

– У Вас сигареты не... будет? – спотыкается на слове подошедший парень, взглянув на моё горло.

Это некрасиво, да. Рубцы всё ещё яркие и выраженные.

Достаю из заднего кармана, угощаю. Самому мне запретили врачи, боясь, что это может повлиять на восстановление.

ние речи. Но нервы ни к чёрту от их диагнозов!

Закрывая глаза, вдыхаю глубоко-глубоко, в очередной раз пытаюсь почувствовать свои связки. Нихрена... Ещё разправляю ворот. Открываю инсту...

ОНА.

У неё новые фотки... Увеличиваю, маниакально разглядывая детали.

На её безымянном – кольцо. Раньше его не было.

Меня пробирает горячей волной до кончиков пальцев. Взрывая грудь болью, ревностью, отчаянием и ненавистью, да. Она не заслуживает ненависти. Ника – хорошая девушка. Мажорка – да. Дочь богатых родителей. Однако, скорее, умница, чем тусовщица. Но иногда я её остро ненавижу. Это правда.

Когда что-то очень сильно мучает тебя, ты начинаешь это ненавидеть. Ненавидеть и желать.

Наркотик и доза.

И это нечестно. Я подсел, даже не попробовав по-настоящему.

В очередной раз я сочиняю десятки слов, складываю их в предложения, чтобы подойти... объяснить... Просто что-бы она знала, что я существую, что я – чувствую.

Но я не подойду. Потому что это будет слишком жалко – пытаться объяснить теперь. Но это не отменяет моей потребности в дозе.

Она сегодня возвращается домой в восемь... Я хочу на

неё посмотреть. Все кадры с движением её губ, пальцев, поворота лица... это всё необходимо обновить. Я загибаюсь от аскетизма, не позволяя себе маньячить слишком часто.

А теперь ещё и это кольцо... Я и так максимально неуместен в её рафинированном мире. А если кольцо – это предложение, которое она приняла? Тогда скоро мне придётся захлебнуться в безнадёге. На самом деле я уже в процессе. И иду ко дну с самого начала этой истории.

Иногда мне хочется выпустить своего зверя и позволить ему взять всё, что он хочет, не задумываясь о последствиях. Иногда я очень близок к этому... Мне нужен парфорс, чтобы я не сорвался.

Закрываю инсту, сохранив себе пару новых фоток.

Касаюсь своей шеи, чувствуя через ткань рубцы, и как они неприятно натягиваются от каждого движения. Твою мать...

Набираю своему тату-мастеру:

«Привет. Я хочу забить шею».

«Дизайн есть?»

Ага... парфорс и поводок! И сдохнуть!

«Нет».

«Приезжай...»

Глава 2 – Цербер

Её путь сегодня начинается здесь. В кофейне возле её вокальной студии. Маленькая кофейня на три столика у больших панорамных окон, выходящих на центральную улицу. Очень жаль, что вход в вокальную студию мне заказан. Я бы хотел услышать, как она поёт. Она всегда садится за второй столик лицом ко входной двери. На диван с высокой спинкой. Я сажусь с обратной стороны. Между нашими спинами только спинка кожаного дивана. И меньше полуметра.

Заказываю кофе. Точно такой же, какой заказывает она.

Пока жду, листаю её инсту. Лайки, лайки, лайки... Много восхищённых комментариев от мужчин. Она никогда не отвечает на них. Я никогда не пишу ей и не лайкаю фотки. Как по мне – если мужчина выражает симпатию, он должен это делать в глаза. А вот этот публичный онанизм я не понимаю.

Увеличиваю фотку, вглядываясь в глаза. И... ревную к фотографу. Зачем ты так на него смотришь?... Как будто вы только вдвоём на всём свете, и вам есть, о чём помолчать...

Тону в её взгляде, словно смотрит она не в камеру, а на меня. Под тихую музыку меня уносит в фантазии.

«Надо остановиться с этой историей», – в очередной раз убеждаю себя. Я ведь всё равно не готов завоёвывать эту женщину. И поэтому эту неадекватную болезненную увлечённость надо преодолеть. Ведь не собираюсь же я бегать за

ней, пытаюсь всунуть в лицо свой телефон, чтобы она прочитала то, что я не могу произнести.

Выключаю инсту. Открываю новости.

«...Николь Градская, дочь бизнесмена Павла Градского и французской модели Вивьен Лоран, сегодня посетила приют для животных, пожертвовав на...»

Кругом она. Мой мир пропитан ею до основания.

Закрываю.

Звук колокольчика на входной. А потом стук её каблучков. Внутри меня всё натягивается и раскаляется. Я закрываю глаза, превращаясь в слух. Мне кажется, её стальные набойки бьют не в пол, а по моим внутренностям.

– Добрый вечер...

Это она, естественно, не мне, это – баристе. Здесь она часто встречается со своим другом-стилистом. Он уже сидит за их столиком.

– Привет, Федерико.

В её голосе много теплоты. И меня не корёжит. Потому что Федерико – единственный гей, который радуется моему выбору своей ориентации.

– Николь! – он говорит с акцентом, иногда они переходят на французский. – Второй день не могу дозвониться.

Она садится... Чувствую запах её духов. Голова кружится от неопишуемой эйфории!

– Да, пришлось сменить номер. Мне стали присылать ка-

кие-то гадкие вещи...

– Нужно обязательно написать заявление в полицию.

– Запишешь новый?

Номер!!

Не раздумывая ни секунды, хватаюсь за свой телефон. Она диктует, а я набираю подрагивающими пальцами.

Зачем?... Чтобы не удержаться и сказать ей хоть что-нибудь единственным доступным способом? И чтобы она опять сменила номер, восприняв это как преследование и «гадкие вещи»?

Но это же оно... Я преследую её. И даже иногда помышляю сделать что-нибудь неадекватное. Но не стану же?

– Я решила временно закрыть профиль в инсте. Мне кажется, фотографии могли спровоцировать того человека. Та фотосессия в купальнике...

– Для нашего небольшого города – это было смело. Это не Париж, детка.

Я помню ту фотосессию. Она права. Её фотки провоцируют. Но как я буду без них – не представляю. Копирую себе те, которых у меня ещё нет.

– Париж... Исключая центр, Париж мало чем отличается от нашего города. Про гетто вообще молчу.

Болтают с Федерико. Она смеётся... Я растворяюсь в бархате её голоса, вдыхая аромат духов. Если мы одновременно поднимем вверх руки, то коснёмся пальцами. Она почти что со мной...

А потом Федерико прощается и уходит. Я молча прошу её остаться ещё ненадолго. Словно услышав, заказывает ещё кофе. А я – нет. Потому что это привлечёт её внимание. А мне этого не нужно.

Дотягиваюсь до телефона. Ищу её по номеру в мессенджерах. Есть!..

Привет, прекрасная девочка...

Слышу, как её ноготки стучат по экрану. Переписывается с кем-то. Телефон звонит...

– Да, Макс. Да... я хотела поговорить. Это не телефонный разговор. Я в «Кофе-терра». Приедешь? Мм... Ясно, – холодеет её голос. – Я бы хотела лично. Но нет – так нет. Я кое-что оставляю для тебя у баристы. Будет время – забери... – срывается на стальную нотку её мягкий голос.

Скидывает вызов. Нервно стучит коготками по столу.

Бросаю взгляд в окно. На улице уже стемнело, и я вижу её отражение в нём. Она тоже может увидеть моё. Но не смотрит.

Снимает с безымянного колечко. Прячет его в конверт. Встаёт, тихо говорит с баристой. Отдаёт ему конверт.

И, блять, я люблю её в это мгновение. Не как женщину даже! А как человека, что ослабил ошейник, который мешал дышать.

Выходит. И я тоже. Через несколько секунд. Иду сразу в сторону парка.

Градские живут в центре города. В коттедже возле парка.

На другой его стороне. И Ника всегда идёт отсюда домой через этот огромный парк. Где случилась та злополучная собака, что напугала её и отняла мой голос.

Иду следом за ней по освещённому фонарями парку. В какой-то момент она, видимо, начинает чувствовать спиной мой взгляд. И пару раз мельком оборачивается. Сворачиваю на боковую тропинку. Делаю петлю и нагоняю её уже ближе к выходу из парка.

– Девушка... – игриво пытается подхватить её под локоть какой-то пьяный чувак.

В это мгновение я теряю адекватность, превращаясь в оголённый нерв, разъярённого цербера.

Она уворачивается и ускоряет шаг.

– Эй! Стой, сказал! – развязно и пьяно.

Идёт следом за ней.

– Сука... Стой... Резвая какая... Бляди... – невнятно бормочет он.

Выхожу ему наперерез и толкаю плечом в плечо.

– Чо надо?... – агрессивно.

Хватаю за грудки, размахиваюсь головой, с хрустом ломаю ему лбом нос и укладываю к своим ногам. Вот так, блять. Нехуй трогать эту девочку.

Ника издали поворачивается. Между нами метров пятьдесят... Натягиваю капюшон глубже. Убегает... Дальше идти не решаюсь. Она испугана и будет оборачиваться.

Возвращаюсь к машине. У меня договорённость с та-

ту-мастером. Еду, на светофорах просматривая каталог с тату. Ничего не цепляет глаз.

Захожу в салон. Не был тут года полтора.

– Здорово, Беркут, – тянет мастер руку.

Молча пожимаю. Поворачиваю к нему экран своего телефона: «Временно я немой». Очень надеюсь, что временно... Оттягиваю ворот водолазки, демонстрируя горло.

– Ебать... – передёргивает его. – Собака?

Киваю. Стягиваю водолазку, падаю на кресло. Пишу: «Сделай красивый широкий ошейник, чтобы шрамы не бросались в глаза».

Мастер берёт в руки перманентный маркер и задумчиво рассматривает мои шрамы. Ведёт линию, погружаясь в работу. Он отличный художник.

Через час подносит зеркало, показывая эскиз. Широкая полоса из языков пламени, шипов и два крыла, расходящихся в разные стороны. Шрамы филигранно вплетены в рисунок.

– Ты же у нас Беркут. Крылья – самое оно.

Показываю большой палец вверх. И губами проговариваю: «Бей». Пока он готовит инструмент, меняю на аватарке фотку на птицу беркут. Стираю своё имя Александр, оставляя только фамилию Беркут.

Долго смотрю на её авку. Это непреодолимый соблазн. С первой секунды я знал, что сделаю это.

«Тону в глубине твоих глаз... мне нечем дышать...

мой мир замирает... когда ты мимо делаешь шаг...»

Глава 3 – Папина дочь

Зависнув взглядом на стене, размешиваю ложечкой кофе. Мужчина тот... в парке. Не тот, который пристал. Другой...

Меня уносит в тот день, когда на меня напала собака. Снова это ощущение взгляда, мужчина, идущий следом по парку. Опять опасная ситуация. Словно один в один. Мистика какая-то.

– Ника?...

– М? – поднимаю глаза на отца.

– Ты передумала?

Смотрит на мою руку, где так и не прижилось дорогое, но прохладное кольцо Макса.

– Пап, я вернула кольцо.

– Почему?

– Я всё пытаюсь представить нас вместе, запертых... ну на сутки, например. И мне странно. Мне кажется, это будет тяжело, вынужденно и неловко.

– До сих пор?

– Да. Мы словно не сближаемся. Может, это нормально? Может, я себе придумала, что должно быть как-то иначе?

– Это вопрос не ко мне. Единственная женщина, которая меня не напрягает на одной территории – это ты.

– Может, я в тебя?

– Хм...

– А если нам попробовать с ним просто пожить какое-то время?

– Исключено! – тут же меняется в лице отец. – Моя дочь не будет сожительницей. Любишь его – выходи замуж. Не любишь – держи на расстоянии.

– Ну, пап!..

– Я всё сказал. Я и так закрыл глаза на многие детали, – свирепо взирает из-под бровей.

Это он о сексе... Ещё год назад он готов был растерзать меня за мысль о сексе до брака. И плевать ему было на моё совершеннолетие. Но случай с собакой немного смягчил его по отношению к Максусу, и он со скрипом принял факт наших отношений.

Увы, они так и остались на каком-то приятельском уровне, не развиваясь глубже. Вроде бы и чувства были, и очень много красивых слов... Макс настаивает на браке. Но дистанция не меняется. Не знаю уж, чья эта вина.

Я полностью папина дочь, до мозга костей. Когда они развелись с мамой, мне было двенадцать. У меня даже вопроса не стояло, с кем я останусь. Хотя маму люблю очень. И видимся мы каждое лето. Мама была очень молода, когда родила меня, и мы больше как подруги. А папа... Папа – это моё всё!

Быть может, именно поэтому я не могу подпустить ближе мужчину. А отец так и остался не женат, полностью сосредото-

точившись на мне и на бизнесе. Перспективы в личных отношениях, короче, у нас с ним так себе...

Допив кофе, обнимаю нахмурившегося отца, чтобы немного растопить, и убегаю к себе.

На тумбочке наша с Максом фотка на фоне его машины. Он гоняет ночами... Стрит-рейсинг. Я пыталась как-то повлиять на это. Но он врёт, что бросил это увлечение. А мне кажется, что даже когда он со мной, то не полностью. Постоянные переписки, тачки, апгрейды, движки, литьё, присадки, азот... Утром спит до двенадцати. Кроме машин его ничего не интересует.

Удивительно, но я ищу в себе страх за него и не могу отыскать. Я забила, наверное, на то, к чему никак не могу дотянуться.

Проверяю телефон. Если забрал мою «посылку» у баристы, то должен отписаться. В сети был. Сообщений нет. Как обычно!

– Ника! – зовёт меня снизу папа.

Выглядываю.

– Тебе доставка.

Спускаюсь. Огромный букет цветов и корзина конфет. Открытка от Макса.

Обескураженно смотрю на это всё. Мы как будто на разной волне! Во-первых, у меня завтра запись трека, и мне нельзя шоколад. И я ему об этом говорила. Во-вторых... Ну чёрт возьми, Макс! Я возвращаю тебе кольцо, а ты шлешь

мне цветы с напечатанными на открытке избитыми призна- ниями? Ты вообще как-то вникаешь в происходящее?!

– Ты расстроена, – смотрит на меня отец.

Вот! Можно же заметить, когда я расстроена?! Почему Макс не замечает абсолютно ничего?!

– Всё хорошо, папочка. Просто я хочу конфет, а мне нель- зя. Завтра мы пишем саундтрек к одной французской ви- део-зарисовке. Там сложная колоратура.

Отец молча уносит корзину на кухню. Ухожу снова на- верх. Поставлю эксперимент. Не поблагодарю его за цветы и конфеты. Заметит? Это, вообще, хоть он прислал?... Ино- гда мне кажется, что это делает его мама. Но это же полный бред, правда?

Я не пишу. И он не пишет. Так... Открываю нашу с ним скупую переписку. Вспоминаю, какие были в букете цветы. Розы.

Николь: Макс, спасибо за букет! Обожаю лилии!

Макс: Пожалуйста, любимая! Очень рад, что они тебя по- радовали.

Меня начинает колотить.

Николь: И за фрукты спасибо! Персики очень вкусные.

Макс: Кушай на здоровье.

Николь: И за карету. Тыква и мыши – нереальные.

Пауза!

Злорадно оскаливаюсь. Ну как можно так?!

Макс: Детка, я немного занят. Чуть позже позвоню.

Et puis, merde! Всё, хватит!

Единственное, что по-настоящему мучает – это то, что Макс, по сути, спас мою жизнь. И с оглядкой на это я заставляю себя терпеть все его недостатки, коих немерено! Но раздражение на него просто сводит с ума!

Включаю погромче музыку. Подпеваю и закрыв глаза, плавно двигаясь под музыку. Она погружает меня в чувства в сотни раз сильнее, чем отношения. Но у этих чувств нет совершенно никакого приложения. Они тревожат меня впустую. От этого очень тоскливо.

Экран телефона вспыхивает сообщением. Ну давай, попробуй теперь отмазаться. Мне даже интересно. Но это не Макс... С незнакомого номера. В мессенджере.

Господи, я же только номер поменяла! Опять?! Но никакой плоской пошлятины нет. Строки... стихи...

«Тону в глубине твоих глаз... мне нечем дышать...
мой мир замирает... когда ты мимо делаешь шаг...»

Рифма немного странная, словно разорвана не в тех местах. Может, это на музыку? Ввожу в поисковик. Точно! Включаю. И меня трогает этот трек, дёргая за ниточки моих чувств и унося в чужую историю любви, которая начинает течь по моим венам.

Трек заканчивается. Внутри порхает от болезненных глубоких чувств. Удивительно... Я бы тоже хотела как-то так...
Возвращаюсь в переписку.

«Беркут».

И ещё не сообразив, что это, вообще-то, очень плохая идея – подкармливать такие переписки, пальцы сами на автомате вбивают «спасибо». И когда уже отправлено и прочитано, я спохватываюсь, что не нужно было этого делать! Там кто угодно может быть, за этой авкой беркута.

И я, морщась, смотрю на экран, ожидая, что сейчас полётся какая-нибудь банальщина пикапа. Потому что красивые чужие стихи – это самый простой ход, вообще-то. А потом мне вдруг становится обидно за себя.

Ты уже тоже сошла с ума, Ника! Вслед за отцом. Во всех видишь пикаперов и ищущих выгоду мужчин.

Смотрю на себя в зеркало. Неужели секс и бабки отца – это всё, чем я могу привлечь? И нет больше никаких призм, через которые на меня можно посмотреть?

Красота – страшная вещь. За ней мужчины перестают видеть тебя. Красота – это одиночество в толпе мужчин. Вот такие картонные отношения, как с Максом. Когда он тащится от моей внешности и везде заливаёт наши с ним фотки, словно я обезьянка! А внимания к моему внутреннему миру ноль.

Может, мужчины такие все? Опыт у меня не ахти. Папа – цербер. Макс – мой первый. И от мысли, что последний, я впадаю в тоску.

Телефон пиликает сообщением.

«Благодарю...»

Всё.

Всё? Тебе больше ничего не нужно, собеседник, умеющий выбирать красивые строки? Жаль... Мне голодно! Мне хочется ещё порезонировать на глубоких мужских чувствах. Это такой дефицит!

Вздыхаю. Но чувство незавершённости беседы снова толкает под руку. Его телефон не скрыт. И это почему-то даёт мне ощущение безопасности. Дрожа от собственной азартной дурости на эмоциях от его трека, я тоже отправляю ему кое-что из моих любимых строк с опасным провокационным окончанием: «Ещё хочу...»

В любой момент я могу заблокировать его и сменить, если что, номер. Ну что в этом страшного?...

Телефон превращается в магнит. Я хожу вокруг него кругами и жду ответного сообщения. Ну? Есть у тебя, что скормить мне ещё?

Беркут:

«Мой космос...

Сбившая с ног

Волна!

Мне нет места рядом с тобою...

Эта мысль так убойна

И внутри с самим собою

Война...»

«Ника, остановись!» – уговариваю я себя. Но пальцы, путая буквы, ищут трек. Наушники и погромче... Этот трек тоже заходит, насыщая мой голод. Добавляю оба в плейлист. Слушаю ещё по разу.

Хватит... Всё. Это было здорово. Но хватит.

Чтобы не поддаваться соблазну продолжить, отключаю телефон. А вот заблокировать контакт рука не поднимается. Падаю на кровать, плавая в эйфории сродни той, которая возникает, когда влюбляешься. Губы растягиваются в улыбке, отказываясь подчиняться.

Господи! Ну и дурочка же я ещё мелкая... Папа прав. Навыдумывала уже...

Глава 4 – «Ты вместо всего»

Мне снится Ника. Её взгляд. И как я размыкаю губы, чтобы хоть что-нибудь сказать ей. В груди давит и жжёт невыраженными, не нужными ей чувствами. И вместо слов из моей груди через горло, раздирая всё огромными шипами, прорастает роза. Это так больно – просто пиздец...

Задыхаясь в распускающихся во рту лепестках, просыпаюсь от приступа удушья. Резко подрываюсь на кровати, вспоминая свои проблемы с дыханием и глотанием в первый месяц после операции. И боль... боль... боль...

Меня передёргивает. Боли давно нет. А, нет... есть. Подношу пальцы к горлу, но по привычке не касаюсь его, зависая ими в паре сантиметров от кожи. Так как долго нельзя было трогать. Боль несильная, просто немного раздражающая. От тату. Оно ещё не забито полностью, только контуры. Эта боль – фигня.

Дотягиваюсь до телефона и проверяю нашу короткую, но перевернувшую меня наизнанку переписку. Так и не ответила на последнее...

Что это было? Почему она вообще ответила? Случайный порыв? А чего я вообще ждал? Да ничего не ждал, если честно. Просто хотелось выплеснуть хоть немного переполняющих меня чувств.

«Ещё хочу...»

От этой её строчки меня топит. Она такая... Она будоражит, вызывает тахикардию. Развязывает руки! Но я пытаюсь объяснить слепому, голодному хищнику внутри себя, что руки всё равно надо держать при себе.

Тебе зашли эти строки?... Стоит ли писать ещё что-то? Это будет навязчиво? Я бы не хотел навязываться и вызывать у неё такого плана эмоции. Уж лучше никаких, чем раздражение и пренебрежение. Но... не делать совсем ничего, пока портал для соприкосновения с ней открыт, я не могу тоже.

Семь... В восемь она идёт в фитнес-клуб. Благо он чисто женский, и это хоть какая-то граница для моих маньячных порывов.

Почему-то в голове картинка, как она привычно вставляет в уши наушники. Её гляцевый полупрозрачный маникюр мерцает под солнцем.

Открываю свой плейлист, пытаюсь отыскать для неё что-нибудь не слишком жёсткое и болезненное. Зачем грузить её с утра своими заморочками?

Отправляю ей feat из того, что слушает она, и того, что слушаю я. Пусть так... Просто хочется как кистью задать несколько тонов её настроению. Прикоснуться.

Настраиваю себя, что ответа не будет. Но кого я обманываю? Я изнываю в его ожидании. Хочется рухнуть на колени и умолять... Но нет, не сделаю так. Не потому, что мне обломно встать перед женщиной на колени. А потому что там,

за этим, ещё более страшная бездна. Ведь если женщине это не надо... Если для неё это обуза и неловкость... То после этого – всё. Только жалость. А это значит – больше ничего и никогда. Сдохнуть, но исчезнуть из её жизни. Бесповоротно. И только от мысли об этом под моими рёбрами начинает стучать со сбоями. Потому что я не могу... не могу... Не могу я!

Падаю снова на спину, глядя в потолок. И даже в мыслях не прошу её ответить на моё сообщение. Я честно не знаю, что для меня будет более разрушающим – сразу игнор или лёгкая переписка, а потом игнор. Но я знаю, что буду писать, пока смогу. Насчёт этого у меня нет иллюзий по поводу собственной силы воли.

Телефон вздрагивает. И сердце моё вздрагивает. Смотрю на экран. Вау...

Мне тоже подарили настроение. Включаю, кладу рядом на подушку. Закрываю глаза.

Текст чуть мягче, чем слушаю я. Но очень гармоничен ей. Мне нравится... И я на секунду даже ловлю иллюзию разговора с ней. Моей принцессе одиноко в толпе. Её месседж об этом.

«Благодарю...» – пишу, дослушав.

Вместе с сообщением из меня вылетает импульс искренней благодарности куда-то в виртуальную Нику. Представляю, что поёт это она. Фантазия послушно рисует взгляд, движение губ, мимику.

Движение губ...

Мои чувства далеки от платонических. Я хочу её... Я хочу её слепо. Дико. До потери адекватности! Загибаясь иногда от перевозбуждения и захлёбываясь подкинутыми услужливой фантазией яркими порно-кадрами! По-животному. Откровенно, грязно, грубо. Мне снится всякое... Во снах я трахнул её сотни раз. И ни разу лайтово и ласково. Всё больше на надрыве, порыве, насильно, жёстко... Потому что никогда... Никогда в моих мучительных снах она не отвечает мне взаимностью. И меня ломает. Сносит. Отключает!

Удивительно... Но это никак не мешает мне тут же сдыхать от переполняющего трепета к ней. Чувства так сильны и противоречивы, что я, блять, теряю себя напрочь, стоит позволить им течь по моим венам без всяких ограничений.

И мне хочется сейчас позволить... Когда она в безопасности, далеко от меня. Дать побушевать моим бесам по-полной!

Я представляю тот самый парк. Слышу стук её каблуков. И снова делаю шаг навстречу, как тогда в торговом центре, провоцируя столкновение. В этот раз не отпускаю, забив болт на всё, и впиваюсь в губы, вжимая её в себя и отрывая от земли. Чувствую её страх, панику, шок. Нет, не это разжигает меня. Это я просто эгоистично игнорирую, отпуская своих бесов.

Вжимаю её в стену... Хотя откуда там стена? Да похуй... пусть будет стена. Впиваюсь в шею, пробуя на вкус, кусая

в эмоциях, оставляя засосы, упиваясь запахом её парфюма и волос. Руки задирают юбку... Под пальцами капрон... резинка чулок... Срываю тонкие трусики... Мне мерещится, что я чувствую их запах... пронизывающий до самого основания, сладкий, пряный, вкусный... заставляющий судорожно сокращаться от распирающих, болезненных и требовательных ощущений в паху. Окончательно превращающий в голодного самца! Дёргаю вниз замок на ширинке, освобождая член...

– Фак...

Со стоном перекатываюсь лицом вниз. Мокрая от возбуждения головка вдавливается в живот, обжигая меня. Наверное, мне нужна шлюха, чтобы разрядиться. Закрывать глаза, представить Нику и оторваться как следует. Просто подрочить уже давно не помогает. Пар не спускается. Напряжение сводит с ума.

Иногда я делаю это. Плачу за секс. Заводить роман с какой-то нормальной девушкой? Не хочу. Даже просто ради секса в неё придётся вкладывать эмоции. А у меня их острый дефицит. Они рождаются только для Ники. Для Ники... Всё, что угодно, для Ники... Порно, оторванный секс, жёсткий трах, нежности, ваниль, романтик... Микс? Не разбавляя?... Как нужно? Увы, я не в курсе.

Моё тело агонизирует от голода. Ягодицы сводит от желания вдолбиться в горячую плоть. Придётся довольствоваться тем, что в избытке – фантазиями.

Пусть она будет сверху. Ради разнообразия попробовать представить, что она хочет этого сама. И позволить ей двигаться так, как она хочет.

Ты любишь быть сверху, красивая девочка? Ты прекрасно будешь смотреться с этого ракурса.

Переворачиваюсь обратно на спину. Сжимаю скользкую головку, толкаясь в кулак. И двигаю бёдрами, представляя, что трахаю её снизу. Но ни в одной, сука, фантазии, она не желает целовать меня, отвечать мне, кайфовать со мной! И в этой я снова трахаю её сам, жёстко, нагло, зажимая, не позволяя вырваться, насильно, и... да, мстительно, с привкусом горечи и боли внутри.

Да блять... Почему так?...

Вся эта жесть стопорит меня ещё сильнее на пути к ней. Потому что нахуй ей это всё?... Она такая лялька, неженка, избалованная вниманием девочка. Избалованная заслуженно.

А я – больной на всю голову придурок, маньяк, сталкер, возможно, неспособный и близко выдавать то, что ей нравится и нужно. Потому что одно дело – проговорить про себя что-то нежное женщине, а совсем другое – произнести это, глядя ей в глаза.

Произнести...

Отшвыриваю в сердцах подушку в сторону. Вот тут-то и главный стоп-кран. Зачем самой яркой и богатой наследнице города грёбанный инвалид, не способный выразить чувства?

Глава 5 – Не одинок (Беркут)

Два месяца, как я вернулся к работе. Хотя деньги со страховки ещё остались. И одиночество я тоже люблю. Но в связи со своим вынужденным молчанием – переел. А здесь все свои. Мне комфортно и немому.

Подпрыгиваю, хватаюсь за перекладину турника. Медленно поднимаю себя и застываю в верхнем положении. Мышцы дрожат, но не отказывают, как сразу после операции. Форму практически вернул. Делаю выход на одну руку, потом на вторую... оборот вокруг перекладины. Подтянувшись, закидываю ноги и повисаю головой вниз. Закрываю глаза, слушая, как стучит кровь в уши. За спиной голоса... Раскачавшись, мягко спрыгиваю.

– Вы хотите выдрессировать эту собаку для глухонемой девочки? Как проводника?

– Как охрану, как проводника и как компаньона. Чтобы дочь могла уверенно гулять одна.

Оборачиваюсь на голоса.

– Беркут, это твои клиенты.

Протягиваю руку мужчине, который держит на поводке трёхмесячного кобеля. Немецкая овчарка. Хороший выбор.

– Александр. Виктор, – представляет нас администратор. – Александр – немой.

«Временно!» – хочется добавить мне. Но кому, кроме ме-

ня, это важно?

– Два месяца, как мы запустили программу по подготовке собак для немых клиентов. Александр – опытный инструктор. Раньше занимался подготовкой собак по программе защитно-караульной службы на границе. Заказов пока немного, можем встроить вас в график.

Присаживаюсь перед щенком. Смотрю ему в глаза. Поджимая уши, переворачивается на спину, заискивающе открывая брюшко.

Это ты правильно. Хороший мальчик... Треплю его за шею. Встаю, набираю на телефоне: «Молодой слишком. Через месяц-полтора приводите вместе с хозяйкой. Возьму для начала на курс УГС. Через полгода добавим специфические навыки».

Иду через полигон к клеткам, достаю коробку с витаминами в виде косточек. Клетки все пустые, кроме одной. Там – Тара. Чистокровная роскошная сучка стаффа. Через решётку протягиваю ей косточки. Лизнув пальцы, аккуратно забирает.

– Что будем с ней делать? – спрашивает админ.

Вздыхаю... Две недели назад хозяин привёл. Новый. Старый хозяин умер. Его сын разумно побоялся без индивидуальной дрессировки по программе адаптации взять домой чужого стаффа. А теперь пропал и он. Телефон недоступен.

– Может, заводчикам предложить? Клеймо у неё стоит.

Питомник по нему найдём. Заберут на развод.

Глаза у Тары очень умные, грустные и серьёзные. Тихо скулит. Скучает по хозяину. Немолодая уже. Могут и не взять. А просто в хорошие руки не отдашь. Не болонка. Стафф. Неправильно будут себя вести с ней – порвёт. Из своих – тоже некому. У всех дети. Усыплять жалко.

Пишу на телефоне: «Я её пока заберу. Потом видно будет».

Она меня знает, привыкла уже. Подчиняется хорошо, насколько это возможно при моей немоте. Агрессию не проявляет. Выпущу во двор, будем как-то договариваться без слов.

Снимаю со стены ошейник. Хлопаю в ладони. Сразу же оживляется, нетерпеливо танцуя у двери клетки. Открываю ей дверь. Делаю два щелчка пальцами, показываю ладонью вниз, чтобы села. Не понимает пока... Это ничего. Похлопываю по спине, показывая ошейник. Садится. Кладу ей ладонь на глаза.

Ну, привет, подруга. Будешь хорошей девочкой?

Тара выдрессирована хорошо, но на голосовые команды. Соскучилась по ласке и вниманию. Поэтому, поскуливая, кладёт голову к моим ногам. Надеваю ошейник, намордник и увожу. К машине она приучена. Сразу же понимает, что от неё требуется. И в глаза заглядывает так, словно хочет угодить и боится, что опять бросят. Успокаивающе чешу между ушей.

Я живу на окраине, в ещё не заселённом коттеджном посёлке. И коттедж мой тоже не достроен. Всё встало, когда я выпал из жизни и попал в больницу. И всё как-то не до того, чтобы запустить процесс заново. На первом плане сейчас – вернуть голос.

Напротив недостроенного коттеджа двухэтажная сауна. Вернее, на первом этаже сауна, на втором – гостевой лофт, в котором я и живу.

Во дворе отпускаю Тару с поводка. Хлопок в ладони и жест «гулять». Падаю на гамак, пока она обходит владения. На участке осталось несколько огромных сосен. Соседи выкорчевали, а я пожалел. За забором начинается полоса хвойного леса. Смотрю на высокие кроны. Тара азартно и игриво лает на белку, сидящую на ветке у забора.

Хорошую отапливаемую будку ей соображу потом, ближе к осени, а пока... стелю ей старый матрас под навесом. Ставлю чашку с водой. Отвожу, показываю.

Ну вот. Я больше не одинок. Практически. Но внутри становится ещё тяжелее, на самом деле. Потому что собака – это здорово. Но это никак не компенсирует одиночество совсем другого рода.

Опять падаю на гамак. Дотягиваюсь до ножа, воткнутого в недалеко стоящий пенёк, выдёргиваю и отточенным движением запускаю в мишень.

Как я только тут себя не развлекал все эти месяцы...

Вытаскиваю телефон, чувствуя облегчение, что нако-

нец-то позволил себе проверить переписку. Весь день не позволял. Если не тормозить это – я буду медитировать на экран, не отрываясь.

Ничего не написала.

Но я до сих пор не заблокирован.

Мучаюсь, подбирая строки. Ничего не прёт! Либо слишком жёстко, либо сопливо, либо не в тему. И ловлю себя на том, что уже минут сорок не свожу взгляд с экрана, каждый раз возвращая его, когда гаснет.

Это моя такая клиника, да. Я и дальше буду пялиться. Хоть какая-то ниточка между мной и ей.

Каждый вечер уже несколько дней мы обмениваемся строчками. А сегодня не прёт! И вдруг в какой-то момент я вижу, как бежит карандашик. Ника что-то мне пишет. Первая! Или меня уже глючит?!

Зажмуриваюсь, снова распахиваю глаза.

Стирает.

Блять... Всё обрушивается вниз.

А потом карандашик снова начинает строчить. С замиранием сердца жду, что она отправит. Но она ничего не отправляет, снова стирая.

Ты издеваешься?! Облизываю пересохшие губы, сжимая горячий от моей ладони телефон. Ну?...

Карандашик вздрагивает и исчезает. Всё. Так ничего и не отправила.

«Ну как так?!» – двигаются беззвучно мои губы. Нервно

тру онемевшее лицо.

Написать самому?

Что?...

Правду? Прямым текстом, без чужой рифмы?

«Прости... сегодня я пустой. Не прёт».

Отправляю.

Прочитано...

«Давай! – уговариваю её про себя. – Ответ тоже своими словами. Давай поговорим! О какой-нибудь лайтовой ерунде. Я не буду тебя пугать и навязчивым тоже не буду. Что угодно напиши!»

Но карандашик больше не двигается.

Жду минут сорок. Нихрена. Тара, чувствуя моё волнение, подходит, кладёт морду на колени. Глажу её. Мучительно придумываю, как не оборвать эту тонкую нить ежедневно-го общения. Захожу в инсту Ники. Закрыла... Всё. Никаких новых стимулов для моей фантазии.

Злясь на себя, набираю ей самое банальное: «Приятных снов!» Стираю. Пишу ещё пару каких-то банальностей. Опять стираю.

Твою мать!

Туплю, соображая, что может её порадовать, а не оттолкнуть. Но в итоге стираю к чертям всё написанное.

Не то!!!

В итоге снова набираю это дурацкое «Приятных снов!» и, уже отправляя, вижу, что её карандашик тоже бежит. И в то

мгновение, как моё сообщение меняет цвет на «прочитано»,
мне уже прилетает ответ: «Приятных снов...»

Закрываю глаза, улыбаясь...

Всё.

Глава 6 – Прикосновение

Макс удручённо крутит в пальцах кольцо.

Это кольцо было принято мной, потому что предложение было сделано красиво, публично, с отсылкой к тому ужасному происшествию в парке. И я не смогла отвертеться.

А потом была его мама, которая радовалась моему «да» до слёз, и я снова смалодушничала. События цеплялись одно за другое, не выпуская меня из плена помолвки. Наверное, это комплекс хорошей девочки – я обожаю с детства угождать отцу. И рефлекс работает. Но, в отличие от Макса, отец всегда даёт отдачу.

Макс красавчик... Стильный, подкачанный, харизматичный. Нагловатые ярко-голубые глаза и тёмные волосы. Всё, как мы, девочки, любим. И сначала я была в восторге от него. Но так и не сумела дотянуться до чего-то личного в нём. А он так ни разу и не попытался даже заглянуть в меня глубже.

Наши отношения напоминают мне картонный молодёжный американский сериал, где закадровые голоса подсказывают, когда смеяться, а когда грустить. И мне с одной стороны очень печально и тоскливо, что ничего не вышло, а с другой стороны... я готова выйти замуж только за такого, как отец. Который пусть и может наорать, но в каждом его действии есть и эмоции, и забота, и внимание ко мне. А вот эта вежливость и уклончивость – не моё. Я точно знаю, как

меня можно любить, спасибо папе, поэтому фальшивку чувствую сразу. За словами и широкими жестами пусто. И мои чувства остыли тоже.

Макс меня не любит. Я не люблю его. Первое очарование давно спало, глубоких чувств нет, только привязанность и привычка.

Пытаюсь сесть поудобнее, но в его спортивной машине сиденья в полулежащем состоянии. Терпеть не могу такую посадку.

– Почему, Ник?...

Отвожу взгляд в окно. За ним темно, и я разглядываю своё отражение.

– Я пока не готова к браку.

– Ну что он изменит, детка?

– Как раз боюсь, что ничего не изменит.

– Ника, мои родители уже активно готовят свадьбу. Так нельзя. Люди приглашены...

А почему на мою свадьбу люди приглашены не мной? Почему я ещё не назначила дату, а уже кто-то что-то готовит?!

– *Sa me casse les couilles!*

– Говори по-русски.

Мне до того уныло объяснять ему, почему «нет», что я начинаю с очевидных банальных вещей:

– На что мы будем жить?

– Пф! Это не проблема!

– А это не ответ на мой вопрос.

– У родителей полно денег.

– Я выхожу не за родителей. Меня обламывает, что мой будущий муж сам по себе не единица!

– Мне двадцать четыре! Ещё не время заморачиваться.

Мать устанет – подхвачу её бизнес. Какие проблемы?

– Для чего эта спешка?...

– Мы почти год вместе. Какая спешка?

В этом полулежащем положении чувствую себя слишком открыто, как на сеансе у психотерапевта. А мне почему-то хочется закрыться.

– Ник, тебе кто-то дерьма про меня наговорил? Ты поэтому даёшь заднюю? Не верь.

– Да нет... Никто не наговорил. Но я в курсе, что оно есть.

– Не загоняйся... – раздражённо. – Я веду себя идеально!

«Но почему тогда этот факт так тебя раздражает?» – хочется спросить мне. Но я не спрашиваю. Он начнет отмазываться.

Сжимает мою кисть, переплетает наши пальцы. Тянет к себе.

– Я хочу тебя... Поехали ко мне?

Мы соприкасаемся губами. Я закрываю глаза. Мне очень хочется поцелуев и нежности. Сердце ускоряется. Но через пару мгновений я отстраняюсь. Зависаю взглядом на лобовом. Не хочу к нему...

И вообще, не хочу я секса! Прелюдий хочу, секса – нет.

Как-то до сих пор это вынужденно. Наверное, я не умею расслабляться. И он тоже со мной зажат. Любовница из меня так себе, наверное. Но я почему-то не могу вдохновиться, чтобы проявить хоть какую-то инициативу. И самое неприятное – потом, после секса. Каждый раз такое ощущение, словно мы переспали случайно, и теперь неловко смотреть друг другу в глаза. Макс говорит какие-то слова... Я слушаю их... Но я их не чувствую. И мы словно разыгрываем одну и ту же пьесу. А актёры из нас посредственные.

– Детка, это же просто пауза, так? Причин для расставания нет. Ты нервничаешь, это нормально.

Практически насильно возвращает кольцо на мой безымянный.

– Отложим этот разговор на неделю.

Что она поменяет?

Макс кладёт мне руку на бедро. Сжимает. Скользит выше, в пах.

– Давай прогуляемся, – открываю я свою дверь.

Он выходит. Жду, пока подаст мне руку. Как же неудобно отсюда выбираться!

Мы идём по набережной. В сумочке вздрагивает телефон. Мне мало кто пишет. Может, это Беркут?...

– Ника, ты про завтра не забыла?

– Завтра?... – пытаюсь припомнить я, вся сосредоточившись совсем на другом.

Мой телефон опять коротко вибрирует. Может, конечно,

ещё и Федерико написать.

– Ник! Ты со мной? – бросая ревнивый взгляд на мою сумку.

Мне кажется, ревность – это самая честная эмоция, что я ловлю от него. Он включается только в эти моменты. Ревность – показатель чувств? Не уверена...

Разглядываю его. Белая брендовая футболка обтягивает идеальный, сделанный в спортзале торс. Проходящие мимо девчонки заглядываются. А я давно не кайфую. Глядя на мужское тело, всегда ожидаешь, что за этими потрясающими рельефами что-то стоит – сила, воля... А я не обнаружила ничего увлекательного. Поэтому давно насмотрелась и потеряла интерес.

Нам надо расстаться? Его мама сойдёт с ума! Меня даже собственная не облизывает так, как она.

– Ника?...

– А что завтра?

– Барбекю с родителями. Ещё месяц назад договаривались.

– Ой, извини. Забыла, конечно. Боюсь, ничего не выйдет. Отец скоро улетает в Берлин. Он очень занят сейчас.

– Ну как так?! Мама пригласила важных гостей.

– Я могу приехать без отца.

– Ты что, не понимаешь, Ник?... Нужен Павел Александрович. Родители хотят поговорить о слиянии бизнесов, чтобы мы с тобой унаследовали это всё.

Не думаю, что отцу зайдёт эта идея. Как-то он оговорился, что может сожрать в одно движение сеть салонов родителей Макса, став монополистом в крае. Но не делает этого только потому, что я встречаюсь с Максом.

– Ника! – рассерженно. – Где ты витаешь? Павел Александрович обязан быть. Уговори его.

– Мм... Может, тогда он без меня придет? – пытаюсь скрыть иронию в голосе. И, видимо, попытка скрыть удаётся на отлично!

– Ну... в принципе, если ты занята... то...

Два добермана, идущих на поводке впереди хозяина, вдруг решают проявить к нам интерес. И, водя по воздуху носами, резко сворачивают в нашу сторону. В моих глазах темнеет от ужаса, тело топит горячим животным страхом. Я выпадаю в оцепенение, практически отъезжая в обморок. Теперь всегда так при приближении больших собак. Макс, идущий между ними и мной, отскакивает в сторону, оставляя меня совсем без защиты. На мгновение. А потом за локоть оттягивает к себе.

– Убери собак! – рывкает пренебрежительно на мужчину.

Тот подтягивает поводки ближе. Собаки в намордниках. Не укусят. Но на мою панику этот факт теперь не влияет никак.

Я уже давно заметила, что Макс тоже боится больших псов. И как он тогда решился броситься мне на помощь в парке?... Уж я-то знаю, что такое страх перед ними. И как

невозможно преодолеть себя и что-то предпринять. Мне становится снова дико стыдно, что я неблагодарная по отношению к Максy.

Он прижимает меня ближе, провожая взглядом собак. Ощущаю, как по лицу катятся слёзы. Смахиваю их.

– Блять... Перестрелял бы всех! – с ненавистью шипит Макс.

– Собаки не виноваты. Это хозяева...

Головой я это понимаю. И даже в качестве терапии недавно ездила в питомник для брошенных животных. Отец дал деньги на пожертвование. Но погладила только кошек, к клеткам с собаками подойти так и не смогла.

Макс отвлекается на звонок по телефону. Мой – опять дразняще вибрирует. И я быстренько достаю его непослушными пальцами. Не Беркут... Учитель по вокалу. Разочарованно прячу телефон в сумочку. Уже вечер, а от него ничего. И только закрываю сумку – опять вибрация. Как дурочка снова лезу в телефон. Снова не он.

Моё лицо горит, словно я изменяю. Можно ли назвать происходящее изменой? Тексты песен... Ничего, кроме строк.

Оглядываюсь на Макса.

– Ника, пять минут, разговор важный, – прикрывая рукой динамик, шепчет он. – Да, мам... знаю... Да, знаю! – раздражённо. – Делаю всё, что могу.

Отворачиваюсь, опираюсь локтями на перила и перечиты-

ваю строки от Беркута. Вдруг неожиданно: «Добрый вечер, Николь».

Меня обдаёт горячей волной стыда и нетерпения. Я не знаю, хочу ли перейти в другой формат. Быть может, это всё так очаровывало, только пока было обёрнуто в упаковку рифм?

Не знаю, что мне страшнее – ответить или нет. Очень боюсь разочароваться! Он запал со своими строками. За что-то такое потянул... И если это вдруг снова окажется пустым. То я не знаю...

Но если не ответить, логично, что он может больше и не написать. А я жду каждый вечер, как наркоманка... Смешно! «Добрый вечер...» – оглянувшись на Макса, строчу я.

Беркут что-то в ответ пишет-стирает-пишет. И мне кажется, что сейчас вывалится целая простыня текста. Но отправляет он лаконичный месседж. И я с улыбкой вспоминаю, что когда не знаю, как написать человеку, тоже очень долго формулирую длинные послания, а в итоге всё стираю и пишу сухо и кратко.

Беркут: Спасибо, что отвечаешь. Я могу прислать тебе кое-что через курьера по этому номеру?

Спасибо, что уточнил.

Николь: Не знаю... Что именно?

Беркут: «Прикосновение».

Николь: Через курьера?...

Мне любопытно и тревожно. Это может быть опасно?...

Но вот его номер. Он не прячется. Он спрашивает разрешения... Мне кажется, всё достаточно адекватно!

Беркут: Да. Доставка.

Как это?... «Прикосновение»? – поджимая губы, прячу улыбку.

Николь: Это меня не напугает?

Беркут: Нет. Не понравится – выкинешь.

Николь: Хорошо. Можно.

– Ника, ты с кем?

– Да... так... – прячу скорее телефон. – Привет от меня Валентине Сергеевне.

– Мама тоже передавала...

Мы молча идём по набережной дальше.

– Поужинаем? – тянет меня Макс на открытую веранду ресторанчика.

Киваю, отвечая курьеру по телефону, куда доставить посылку. Мы присаживаемся. Через несколько столиков от нас компания парней.

– Хей, Макс! – окликает его один из них.

– О, здорОво! – поднимает приветственно Макс руку. Отдаёт мне меню. – Детка, закажи мне мясо-гриль и безалкогольное пиво. Я на пару минут, поздороваться.

И сбегает к этим парням.

Сделав заказ, разглядываю идущих мимо людей. Вставляю наушники в уши, включаю треки Беркута. Пара минут

затягивается на полчаса. Но я даже рада.

Мой телефон звонит, поднимаю глаза. Парень с пакетиком оглядывает веранду. Выдёргиваю наушник, поднимая выше свой телефон.

– Наверное, Вы ко мне.

Улыбаясь, отдаёт пакетик. Изнывая от любопытства, достаю оттуда штуку, похожую на фитнес-браслет, но чуть потолще. Белый с серебристой панелью на месте экранчика. Что это?... Интуитивно надеваю на руку. Кнопок никаких нет. Вожу по приятной наощупь поверхности пальцами. Вдруг он тихо вздрагивает и, мягко вибрируя, начинает сжимать моё запястье. Вскрикиваю! Но он тут же отпускает и расслабляется. Истерично хихикаю. Браслет, как живой, опять повторяет этот фокус, заставляя моё сердце колотиться.

Захожу в переписку с Беркутом.

Беркут: У меня второй из пары. Прикасаешься пальцем к стальной поверхности браслета – я чувствую твоё прикосновение. Я прикасаюсь на своём – ты чувствуешь моё.

Мой браслет снова сжимает запястье. В этот раз я ощущаю не только приятную вибрацию и сжатие, но и то, что внутренняя поверхность, которая прикасается к коже, немного нагревается. Словно запястье охватывают реальные пальцы. Боже... Это так будоражит! Какая чудесная штука!

Беркут...

Кладу палец на серебристую панель браслета, отвечая ему

взаимностью.

Беркут: Спасибо... Когда я буду думать о тебе, я буду прикасаться.

Закрывая глаза, жду объятий браслета. Улыбка рвётся с губ. Вибрация... сжатие... тепло...

Ох!

– Ника?

А, чёрт, Макс...

Глава 7 – Сломано (Николь)

Валентина Сергеевна Вишневская – главная конкурентка отца и... мама Макса – поправляет безупречно уложенные светлые локоны. Улыбается мне, сверкая жемчужными винирами. Но взгляд сегодня у неё прохладный и тревожный. Нервно тербит бриллиантовую подвеску. И мне кажется, сейчас вспорот себе кожу на груди хищным красным маникюром.

– Ника! Наша красавица... Как я рада тебя видеть!

Обнимает. Обмениваемся поцелуями в щёку.

– Здравствуйте.

– А Павел Александрович?...

– Папа не может. У него сегодня сделка.

– Сделка?

– Он выкупил сеть заправок Туровых.

– Да, Павел как каток, – растягиваются её губы в не очень искренней улыбке. – Всех раскатал!

– Ну не всех, Валентина Сергеевна, – сдержанно улыбаюсь я. – На Вас пока не покушается.

Иду к Максy, слыша вслед тихое: «Это пока...»

Но таков бизнес! Что я могу сделать? Папа – акула. Но и Вишневские в своё время тоже демпинговали и сожрали всех, кто поменьше.

Сегодня мне предстоит довольно неприятная вещь – озву-

читать Валентине Сергеевне, что свадьбы не будет. Так как сам Макс не соизволил. А у меня устойчивое ощущение, что предложение мне сделала именно она. И я согласилась приехать сюда только поэтому.

– Добрый вечер, – подхожу я к гостям.

– Мадемуазель Градская! – улыбается мне моложавый отчим Макса. – Когда уже мы сможем обращаться к Вам «мадам»? Мы все ждём дату.

Обмахивает специальным веером скворчащее мясо на гриле.

– Можете, Ростислав, начинать прямо сейчас. Во Франции давно уже принято обращение «мадам» и к незамужним девушкам.

– Ну Ника... Я же совсем о другом!

– Ника, клубнички? – протягивает мне креманку Валентина Сергеевна. – Только с куста. Со свежими сливками.

– Благодарю, – забираю десерт из её рук.

– Максимка, ну что ты опять в своём телефоне? – с едва сдерживаемой жёсткостью на последнем слове.

Он отрывает глаза от экрана.

– Мам, тут ралли-онлайн, я сделал ставку.

– Твоя ставка может не сыграть! – прищуривается она требовательно. Недовольно давит его взглядом до тех пор, пока тот не прячет телефон в карман, недовольно цокнув языком.

– Мальчишка! – со снисходительной интонацией а ля «что с него взять?» – Но замечательный, правда? Вы очень кра-

сивая пара.

– Мхм...

– Как твои успехи в студии?

– Права на один трек продали как саунд к фильму

– Поздравляю! Я всегда верила, что ты добьёшься успеха.

Вы с Максимом определились с датой? – подхватив меня под локоть, отводит в сторону. – Я думаю, что в первых числах октября...

Браслет Беркута на моей руке вибрирует и сжимается. По-сылаю ему ответное прикосновение, касаясь своего браслета пальцем. Это придаёт мне решительности поговорить с Вишневской так, как планировала.

– В октябре ещё тепло, но можно накинуть роскошную белую шубку, уже красивая золотая листва...

– Валентина Сергеевна... нет, – опускаю я взгляд, качая головой. – Я думаю, что все эти планы поспешны. В октябре не будет свадьбы.

– Но в ноябре такие ветра... Они испортят нам фотосессию.

– И в ноябре – нет.

– Ты хочешь зимой? – ползут её брови вверх.

– Я вообще, если честно, не хочу пока замуж.

– Ну как же... Ника? Мы уже всех оповестили... Почему? Максимка так любит тебя! Он не переживёт твоего отказа...

– Ох, перестаньте, Валентина Сергеевна. Он не каждый день и вспоминает-то о том, что я существую.

– Гадёныш неблагодарный... – с чувством. – Он чем-то обидел тебя?

– Да нет. Наоборот. Я ему очень благодарна за тот случай, когда он спас меня от нападения собаки. Но... для брака этого недостаточно, мне кажется.

– Он рисковал собой! Разве может быть что-то другое более серьёзным доказательством чувств?

– Не знаю... – опять начинаю сдаваться. – Но я очень ценю его поступок.

Нечаянно касаюсь браслета, отправляя ещё одно прикосновение Беркуту, и краснею от того, что сделала это первой. Чёрт возьми, даже браслет мне приносит в сотню раз больше эмоций, чем...

Отыскиваю взглядом Макса. Он со смехом говорит с кем-то по телефону. Мать смотрит на него с застывшим лицом.

Короче, нет!

– Я Вас очень прошу, не муссируйте, пожалуйста, больше тему с нашей свадьбой. Не надо никаких официальных заявлений. Я буду это опровергать. Пока что у нас с Максом нет ни одного повода для брака.

Стягиваю колечко... Протягиваю ей.

– Я возвращала Максу, но... Возьмите Вы, пожалуйста.

Она обиженно отмахивается.

– Прекрати, это подарок. Не нужно его возвращать. Ты лучше подумай о будущем. Только представь, как высоко вы взлетите с Максом, если организовать слияние моего бизне-

са и бизнеса твоего отца. Вы встанете у руля!

– Да ну зачем мне это? – искренне удивляюсь я. – Папа не отпустит этот руль ещё лет двадцать! И слава Богу! Машины – это не то, что вдохновляет меня.

– Ты можешь и не касаться бизнеса. Машины вдохновляют Максима. Он будет заниматься всем, а ты лишь пожинать плоды и жить в своё удовольствие.

– Да я и так... – пожимаю плечами. Зачем мне для этого Макс? Но вслух не говорю, чтобы не обижать Вишневскую.

– Ника, подумай... что будет, если отца вдруг не станет? Кто подхватит эту махину?

– Да не хочу я о таком думать! – с возмущением делаю шаг назад.

– Зря. Обо всём надо думать заранее. Но я хочу, чтобы ты знала, что наша семья очень любит тебя, – смягчается её тон, – и мы всегда поддержим тебя, что бы ни случилось.

– Благодарю! – обнимаю я Валентину Сергеевну. – Это очень ценно. Я сейчас тихонечко сбегу, извинитесь за меня перед гостями, пожалуйста.

Но тихонечко сбежать она мне не позволяет. За спиной я слышу стальное:

– Максим! Отвези Нику.

И невнятное гневное шипение на него.

Да, я понимаю, что Вишневской очень выгоден наш брак. Это единственный шанс остаться на плаву с её бизнесом в нашем городе. Мне хочется попросить отца, чтобы он её не

топил. Всё-таки Макс спас меня. Но не факт, что мистер Градский прислушается. Папа – кремень в таких вопросах. И поступок Макса не возводит в ранг подвига, а считает естественным для мужчины. Но я всё равно попрошу за неё.

В машине нам очень неловко друг с другом. Вместо того, чтобы везти меня домой, он вдруг сворачивает к обочине. Вишневатские живут в пригороде. И мы стоим на трассе. Впереди, в низине, огни города.

– Минуту... – выходит из машины Макс.

Наблюдаю в лобовое, как он раздражённо курит, разговаривая с кем-то по телефону. Рефлекторно достаю свой. Проверяю переписку с Беркутом. Там нет ничего нового. И это так болезненно сводит грудную клетку, что мне вдруг становится страшно за себя.

Какой-то неизвестный мне человек за несколько дней научился управлять моими чувствами, настроением и сделал эмоционально зависимой от себя. Это, наверное, ненормально... Я же каждые полчаса проверяю этот чёртов телефон!

Кто он?

Почему не предлагает встретиться?

Это же логично, вообще-то!

Макс садится внутрь.

– Ника, у тебя другой мужчина? Поэтому ты рвёшь всё между нами?

– Не поэтому.

– Но... он есть?

– Нет.

– С кем ты сейчас переписывалась?

– Какая разница?

– Есть разница! Я хочу понять: дело во мне или дело в тебе. И с чем бороться. Дай сюда, будь добра.

Отбирает телефон.

– Макс!

– Нет, я просто не понимаю...

Вводит мой нехитрый пароль. Телефон открывается сразу же на странице с перепиской. Мои щёки вспыхивают!

– Мхм... – просматривает он наши переписки. – Беркут. Это кто?

– Да я не знаю... – от неловкости начинаю мямлить.

Какого вообще?!

– Верни телефон! – пытаюсь забрать его.

– Нет, – отталкивает мою руку. – Не знаешь? – зло ухмыляется. – И стихи ему не ты отправляла?

– Это не твоё дело!

– Ошибаешься! – нажимает на звонок.

Мне кажется, я вспыхиваю до кончиков волос и осыпаюсь пеплом!

Нет-нет-нет...

Но Беркут не отвечает на вызов.

Макс зажимает иконку микрофона и наговаривает голосовое:

– Слышишь, чувак, ты тут имеешь борзость моей невесте

писать, так имей борзость за это ответить. Возьми трубку.

– Макс, хватит!!

– Прослушано, Ник! – демонстрирует мне экран. Набирает снова. Беркут вновь не отвечает на звонок. – Что ж он у тебя трусливый такой, что даже трубку не может взять? Или, может, он тебе с зоны пишет?

Снова зажимает микрофон:

– Тогда свободен! – вальяжно. – Не надо сюда больше напisyвать. Ника в таких робких юношах не нуждается.

Быстро скользя пальцами по экрану, ставит Беркута в блок.

Какая ужасная ситуация!

– И вот ради этого, Ник, ты разорвала наши отношения? – безглаголиво.

– Дай телефон, – вздыхаю я.

Пренебрежительно протягивает. Выхожу из машины. Иду по обочине по направлению движения. Внутри пусто и противно от всего этого. И – да, мне неприятно, что Беркут не ответил.

– Ника, сядь, – догоняет меня на машине Макс.

– Оставь меня в покое.

– Ника, сядь! Твой отец порвёт меня за эту твою выходку. Не пойдёшь же ты до города пешком?!

– Вот и пусть порвёт.

Я вдруг понимаю, что больше не хочу общаться не только с Максом, но и с Беркутом. Потому что Макс своим вмеша-

тельством что-то сломал! И теперь тот факт, что Беркут не ответил на вызов, разрушил всё очарование общения. И мне так пусто, как будто меня прострелило насквозь пушечным ядром! И обидно до слёз.

Макс продолжает уговаривать меня. Вставляю наушники в уши. Мой браслет вздрагивает и тепло обнимает за запястье.

Никого не хочу...

В чувствах срываю его с руки и закидываю подальше.

Всё!!

Глава 8 – Друзья (Беркут)

«Беркут, ты где? Только попробуй нас продинамить!»

Моя первая попытка выйти из добровольного затворничества. Мне не столь интересна эта тусовка, сколько необходимо ощутить себя среди людей полноценным. Или не ощутить.

История с Никой становится немного плотнее. И я дико обламываюсь, что она выйдет в реал, а я сдуюсь от своей немоты при первой же встрече.

Поднимаю взгляд на уходящую ввысь свечку-многоэтажку. Это здесь... Набираю на домофоне номер квартиры. Захожу в подъезд, пропуская подошедшую девушку. Мы вместе едем в лифте, стоя напротив друг друга. Чувствую её заинтересованный взгляд.

– Привет... – игриво покусывает губу.

Да блять... Немота обламывает даже в этой ситуации, когда в девушке я не заинтересован!

Киваю, говоря губами «привет». Мы выходим на одном этаже.

– Ты тоже к Сергею?

Киваю.

– Я – Лора, – улыбается.

Меня начинает накалять. Именно поэтому я и не хочу людей и общения. Потому что...

Набираю на телефоне: «Александр. Я временно немой. Извини, беседу не поддерживаю». Показываю ей.

– Оу...

Внимательно смотрю за реакцией. И то, что вижу, меня бесит! Потому что это сожаление и жалость. И... капельку просачивается разочарование. Вот это, вероятно, я и отхвачу от Николь, если вдруг...

Жму на кнопку звонка, чувствуя кожей, как Лоре неловко и хочется скорее дистанцироваться.

– Беркут! Ну неужели!

Пропустив Лору, пожимаю руки друзьям. Мы не виделись с больницы. Там я не имел сил послать их нахрен, чтобы не приходили. А потом динамил, да, общаясь только в редких переписках. Ждал, пока вернётся голос. Но... не дождался.

– Ну как ты, дружище?

Привычно оттягиваю воротник водолазки и пожимаю плечами.

– Голос?

Отрицательно кручу головой.

– Что врачи говорят?

Раздражённо отмахиваюсь.

– Ладно, пойдём.

Меня знакомят с девушками. Имён не запоминаю.

– Беркут у нас временно безголосый, так что с разговора-

ми не приставать! Но просто приставать – не возбраняется, – юморит Серый.

Шатенка, сидящая на коленях у ещё одного моего сослуживца – Лёхи, показательно скользит по мне взглядом. И, останавливаясь на пряжке ремня, прикусывает кончик языка. Хм...

– Пойдём, покурим, – ссаживает он её.

Мы выходим на лоджию.

«Твоя девушка?» – набираю я.

– Да перестань. Просто лёгкие девки... Выбирай любую. Хочешь – эту забирай.

Не хочу. Отрицательно мотаю головой.

– Какая понравилась? Давай организуем тебе?...

Моё голодное тело не против. И среагировало ещё на провокационные взгляды той шатенки. Я представляю себе этот секс и... мою грудную клетку неприятно сводит от противоречивых ощущений. Грязненько, примитивно, пусто...

Ну а какие у меня существуют сейчас ещё версии? Либо так, либо никак!

Сомневаясь, отрицательно кручу головой. Как-то это совсем убого. Не хватало мне ещё организаторов моего секса. Нет. Уж если приспичит, я как-нибудь организую это сам. А пока перебыюсь.

Касаюсь браслета. Нику хочу...

Через несколько секунд мне прилетает ответное «объятие». И мне кайфово... И тёлки эти нахуй не упились.

«У тебя же невеста была», – пишу Лёхе.

– Была... – морщится он болезненно.

«Что случилось?»

– Уехала, – зло. – Европу покорять. Вот! Кайфую от холостяцкой жизни! – с наигранным весельем. – И смотрю её инсту, как кайфует она, – опять зло.

Ясно...

«Значит, не твоя была. Отпусти. Забудь».

– Мхм... – уныло. – Чёт ты не особенно такие советы слушал, когда на жену полковника запал.

Развожу руками. Да. Не слушал я никаких советов. А зря...

– А у тебя как?

«Нравится девочка одна. Но... ничего нет. Кроме переписок».

– Комплексуешь?

Пожимаю плечами, глядя на мерцающие снизу огни города.

– Пригласи её, – толкает в плечо Лёха. – Хочешь – на берег передислоцируемся? Вино, шашлычок?...

Улыбаясь, отрицательно качаю головой. Ника? В компании с этими девками?... Ну нет.

– Почему?

«Она... не этого уровня девушка».

– Давай сольём этих тёлок, будем твою принцессу развлекать. Катер прогулочный снимем, покатаем.

«Спасибо, друг. Но мы с ней даже не знакомы. Бесперспективняк, короче. Просто обмен любезностями в переписке».

– Помощь нужна? Ну там, поговорить вместо тебя?

Категорически кручу головой. Нет. Нет! Ещё не хватало!..

– Блять, Беркут. Только не говори, что тебя опять на самую недоступную фею занесло!

Опуская взгляд, киваю, горько улыбаясь.

– Кто она?

Отрицательно качаю головой. Нельзя говорить. Вдруг сдурю как-то помочь захотят. И испортят всё окончательно. Они такие...

– Чья-то жена?

«Нет. Дочь».

– Ну я даже не знаю... За дочь бы я рвал в разы сильнее, чем за жену. Бабы уходят и приходят, а дочка – родное.

Киваю. Мой браслет вибрирует. Вздрагиваю. Ника... Первый раз «обняла» первая. Волна эйфории расходится по телу. Отвечаю ей тоже прикосновением. Может, что-нибудь написать?... Не хочется быть слишком навязчивым. Поэтому я пишу очень редко.

– Мужчины... – заглядывает к нам шатенка с бутылкой вина и бокалами. – Девочки скучают...

Толкаю плечом Лёху, чтобы валил развлекать барышень. Оставшись один, облокачиваюсь на перила и открываю наши переписки. Перечитав, ухожу в тексты песен, подыскивая строки. Ничего, что хотелось бы отправить, не попадает.

Может, не стихи?...

В её браслете моя симкарта, к которой подключена программа геолокации, установленная на буке. Он дома. Жаль, что я не могу сейчас посмотреть, где она.

Это маньячно? Это перебор?

Да. Я осознаю. Но мне плевать. Я хочу наблюдать. Ей это никак не вредит.

– Беркут, давай в компанию! – заглядывает Серёга. – Ты в телефоне пришёл посидеть?

Ладно, чуть попозже сбегу от них покурить и найду что-нибудь съедобное, чтобы отправить.

Вино, коньяк льются рекой... Друзья становятся развязней, женщины доступней. Все одновременно пытаются перекричать музыку. Басы долбят на полную.

– Саня, давай... – наливает мне Лёха. – Расслабься. Оставишь тачку, поедешь на такси.

Смотрю на тёмный алкоголь в бокале. Наверное, мне нужно. С операции не позволял себе спиртного. Задерживаю дыхание и выпиваю залпом. Обжигающая жидкость скользит по пищеводу и падает в желудок. Сразу пьянею... Голову кружит!

– Привет, Беркут... – подсаживается ко мне шатенка. – Я посмотрю?...

Тянется наманикюренными пальцами к моей шее. Отстраняюсь, не позволяя ей оттянуть воротник. Со сдержанной улыбкой отрицательно кручу головой.

– Да ладно... Мне нравятся шрамы и тату. Я видела мельком, ты показывал... Хочу рассмотреть.

Скользит пальцем по моей груди, подсаживается ближе. Её губы утыкаются мне в ухо:

– Мне не нужен твой голос... Мы с тобой «поговорим» телами...

Прикусывает за мочку. Меня передёргивает от приятного ощущения. И на пару секунд я даже допускаю мысль – расслабиться и позволить ей втянуть себя в трах. Она покусывает кромку моего уха, наглаживая бедро. Закрываю глаза, представляя, что это делает Ника. Но вот косяк – в моих фантазиях Ника никогда не делает ничего взаимного. Только сопротивляется. Я честно пытаюсь каждый раз это переиграть, но как только мне удаётся, то Ника превращается в кого-то другого. Типа этой шатенки. И сейчас образ Ники никак не включается. И я не могу отключиться тоже. Я хочу написать ей...

Ловлю кисть шатенки, снимаю её с бедра. Наливаю ей ещё вина в бокал и сваливаю из-за стола на балкон с сигаретой. Следом выходят друзья.

Мой телефон звонит. Меня уже давно не дёргают звонки.

Я на них не могу ответить. Но я смотрю на экран, чтобы понимать «кто» и куда потом написать, если что-то важное.

Ника!!

Поперхнувшись дымом, глухо закашливаюсь, шокированно смотря на экран.

– Сань?...

– Беркут!

– Ты чего?

Растерянно поднимаю глаза, чувствуя, как неприятный мандраж идёт по груди и шее от того, что я не могу взять трубку. И как это может выглядеть в её восприятии.

– Она?... – вглядывается мне в глаза Лёха.

Киваю.

– Она не знает, да? Что ты не можешь говорить?

Опять киваю.

– Дай! – тянет он руку.

Отвожу телефон подальше, отрицательно качая головой. «Нет», – губами.

Звонок прекращается, я открываю переписку. Там голо-совое. Запарившись, рефлексивно жму, оно включается на громкую.

«Слышишь, чувак, ты тут имеешь борзость моей невесте писать, так имей борзость за это ответить. Возьми трубку».

Включаю ещё раз.

– Эээ... – пьяно возмущается Серый. – Это что за муда-к?

Я знаю, что это за мудака... Меня взрывает до темноты в глазах от того, что я не могу ему ответить за себя. Но и писать ему послания на Никин номер я тоже не буду. Глупо разбираться при женщине.

Он звонит ещё раз. Я обтекаю, блять... У меня есть только один способ ответить за себя. Сломать его нахуй за этот базар! Всё. Но отсюда ведь не дотянешься.

Ещё одно голосовое. Включаю уже не на громкую. Подношу динамик к уху, чтобы слышать только самому.

«Тогда свободен! Не надо сюда больше напisyвать.
Ника в таких робких юношах не нуждается».

Застываю. Сердце от адреналина колотится где-то в горле распирающим комом. С трудом сглатываю.

Робких?... Что-то ты тогда в парке не особенно спешил на помощь к ней. Мне дохера чего есть сказать ему.

– Дай, я ему отвечу! – пытается забрать телефон Серый.

«Я сам за себя отвечу!» – беззвучно рявкаю я в ярости.

– Серый, он гонит! – теперь пытается забрать из моих рук телефон Лёха. – Дай телефон! Мы за тебя скажем, что надо.

– Дай сюда, Беркут!

Идиоты пьяные! Поднимаю телефон выше, он выскальзывает, бьётся о перила и падает вниз.

Ну пиздец!.. Этаж тут двадцать четвёртый. Симку я не найду... Поднимаю на них рассерженный взгляд.

– Братишка... извини.

Обескураженно развожу руками. Что, блять, с вас возь-

мёшь?

Потусовались...

Глава 9 – Ценная вещь (Николь)

Просыпаюсь от шума под окном. Папа! Разговаривает по телефону. Фондовые рынки, акции, биржа... Опять затевает что-то грандиозное! Зажмуриваюсь. Это для меня сплошная абракадабра. Потянувшись, высовываюсь в окно.

– Пап! – отправляю ему воздушный поцелуй.

На мгновение его хмурый лоб разглаживается, и уголок губ дёргается в улыбке. Но только на мгновение.

Накинув халат, бегу вниз варить нам кофе.

Папа не выносит посторонних в доме. Поэтому прислуга серыми тенями приходит только тогда, когда он в офисе. А утром и вечером мы справляемся сами.

С тоской смотрю на своё осиротевшее запястье. Никаких больше объятий... Зачем я его выкинула? Мало ли почему Беркут не смог ответить сразу.

Дура я... Это всё Макс выбил меня из колеи! Но и разблокировать номер Беркута тоже не могу. Мне очень неловко за сказанные Максом слова и эту блокировку. Но и не объясняться же перед незнакомым человеком... Получается, тут даже дело не в Максе и Беркуте. А во мне. Ведь это я, не разорвав ещё до конца отношения с одним, начала переписки с другим. Поэтому и вышло так некрасиво. И мне неудобно теперь перед Беркутом.

Поэтому я смотрю на наши переписки и не решаюсь раз-

блокировать и извиниться. Как глупая малолетка!

Но и, конечно, неприятно, что он не ответил на звонок. После Макса у меня на такое аллергия и неконтролируемое раздражение.

– Как дела? – целует меня в макушку папа.

– Ну... плохо, – сдуваюсь я.

– «Плохо» – это плохо! Что случилось?

– Я потеряла кое-что ценное.

– Сколько? – достаёт из заднего кармана портмоне.

– Да нет же. Личную вещь. Её не купить.

– Чем помочь?

Папа всегда очень конкретный.

– Выгони мне, пожалуйста, машину.

Сама я паркуюсь и разворачиваюсь просто безобразно! Опыта вождения у меня почти нет. Боюсь шоркнуть её о бордюры или ворота.

– Зачем?

– Я эту вещь за городом потеряла...

– Ну давай уж, рассказывай, пока у меня кофе-пауза.

– Ммм... Тебе опять не понравится.

– Тем более.

– Я познакомилась с одним человеком... по переписке.

– Ника! Сразу – нет!

– Да пап!

– Это либо альфонс, либо мошенник, либо зек, либо...

– Ой, всё, хватит! Он просто отправил мне стихи!

– Сто процентов – зек. Эпистолярный жанр и романтизация переписок – их конёк! А следующий этап – давление на жалость и вымогательство.

– Нет, пап. Он прислал мне достаточно дорогую вещь... Ту самую, что я потеряла. Я не думаю, что заключённый будет делать так. К тому же... он... Короче – нет!

– Выплюнь, принцесса. Я всё сказал. И вообще, скинь мне его номер, я его пробую – кто, что...

– Да не хочу я так! – отворачиваюсь к окну. – Ты опять всё удешевляешь, пап!!

– Я просто не наивен и знаю всему цену. Когда я ошибался, Ника?

– Папа, я буду бдительна и осторожна! – закатываю глаза. – Но оставь мою чёртову переписку в покое. Не надо никого пробивать! Он не просит, чтобы я с ним встречалась!

– Потому что он в тюрьме, Ник! Это же логично.

С раздражением стучу кружкой по столу. Выхожу во двор. Может, я и правда дура наивная. Но я уверена, что папа неправ. Прислушиваюсь к себе, пытаюсь поймать ощущения от Беркута.

Немногословен...

Прямой.

Откровенный.

Веет от него чем-то сильным.

А с чего, даже и объяснить не могу. Просто ощущение.

На голые плечи падает несколько капель дождя. Ёжусь от порыва ветра. Папа выходит следом, протягивая мне свой плащ. Надеваю прямо поверх пижамы и закутываюсь поплотнее.

– А что за дорогая вещь? Драгоценности?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.